

БЕЛАРУСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ЎНІВЕРСІТЭТ
ЮРЫДЫЧНЫ ФАКУЛЬТЭТ
ЮРЫДЫЧНЫ КАЛЕДЖ

ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ: БЕЛАРУСКАЯ ДЗЯРЖАЎНАСЦЬ ВА ЎСХОДНЕЕЎРАПЕЙСКІМ ЦЫВІЛІЗАЦЫЙНЫМ КАНТЭКСЦЕ

Зборнік навуковых прац, прысвечаных 90-годдзю
з дня нараджэння прафесара І. А. Юхо

Мінск
«Бизнесофсет»
2012

УДК [342+321](476:4-11)(082)

ББК 67.400(4Бел)я43

Г51

Рэдакцыйная калегія:

С. А. Балашэнка (гал. рэд.), С. А. Калінін (намеснік гал. рэд.),
І. Р. Вярэнчыкаў, Т. І. Доўнар, А. М. Старавойтаў, Л. Л. Голубева,
А. І. Арлоўская, І. Л. Вяршок, Т. А. Чарвякова

Рэцэнзенты:

Сокал Сцяпан Фёдаравіч, доктар юрыдычных навук, прафесар,
заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь;

Цікавенка Анатоль Герасімавіч, суддзя Канстытуцыйнага Суда
Рэспублікі Беларусь, доктар юрыдычных навук, прафесар;

Рэкамедавана Вучоным саветам юрыдычнага факультэта Беларускага
дзяржаўнага ўніверсітэта (пратакол № 4 ад 22 снежня 2010 г.).

Г51 Гісторыя і сучаснасць: беларуская дзяржаўнасць ва
ўсходнееўрапейскім цывілізацыйным кантэксце: зборнік
навуковых прац, прысвечаных 90-годдзю з дня нараджэння
прафесара І. А. Юхо / рэдкал. : С. А. Балашэнка (гал. рэд.) і [інш.].
– Мінск : Бизнесофсет, 2012. – 552 с.
ISBN 978-985-6939-40-5.

У зборнік, які выдаецца ў межах святкавання 90-годдзя з дня нараджэння
прафесара кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага
факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, прафесара Іосіфа
Аляксандравіча Юхо, уключаны працы беларускіх і замежных вучоных-
юрыстаў, прысвечаныя праблемам беларускай дзяржаўнасці, развіцця
нацыянальнага права і палітыка-прававым працэсам, якія адбываліся ў
межах цывілізацыі Усходняй Еўропы.

УДК [342+321](476:4-11)(082)

ББК 67.400(4Бел)я43

ISBN 978-985-6939-40-5

© БДУ, 2012

© Афармленне ТАА«Бизнесофсет», 2012

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТАМОЖЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

О. А. Дячок

С древних времен таможня была важным источником пополнения государственного бюджета. Позже таможенные органы начали выполнять регулятивную и охранительную функции. Таможенные отношения¹, под которыми мы понимаем комплекс общественных отношений, возникающих в связи с формированием и реализацией таможенной политики, правовым регулированием внешнеэкономической деятельности и таможенной службы и его практической реализацией, организацией и функционированием таможенных органов в каждом государстве были в той или иной степени урегулированы нормативно-правовыми актами.

На раннем этапе существования ВКЛ значительное место в регулировании этих отношений занимал правовой обычай. Прежде всего, согласно обычаю взымали мыто (таможенные пошлины), о чем свидетельствуют так называемые уставные грамоты (или областные привилеи) Великих князей отдельным землям². В частности, в подтверждении короля Александра всей земли Волынской на права и вольности сказано, что *«не надобе мыть зъ ихъ людей брати, нижьсли мають мыта старые давати, где и передъ тымъ будуть даивали»* [4, с. 271; 29, с. 102]. 1 сентября 1529 г. Жигмонт³ Старый предоставил привилей «всим обывателемъ шляхте земли Киевское на права и вольности ихъ». В нем говорится: *«Такъ же просили насъ князи и панове, и земяне Киевские, ижъ новины вводили врадники наши, воеводы*

---

¹ На наш взгляд, этот термин является более адекватным, чем применяемый Л. Ю. Жеребцовой термин «таможенная организация», охватывающий «всю совокупность отношений, которые возникают между разными сословиями и государством в процессе торговой деятельности с целью ее регуляции, а также организацию и функционирование таможенной системы с многочисленными видами поборов, оплат и способами их взимания» [12, с. 196].

² По выражению М. Н. Ясинского, в уставных земских грамотах заключается «подробное определение отношения данной земли или провинции ко всему государству». В условиях отсутствия общегосударственных законодательных сборников, по своему содержанию и назначению они могут быть названы местными законами, содержащие общие нормы для определенной ограниченной территории. Исследователь также их определил как «законодательные акты, которые давались отдельным землям, входившим в состав государства Литовского, в лице всего их населения, с целью подтверждения древнего общего права каждой земли определить отношения её к государству и его местным органам и регламентировать различные стороны местной общественной жизни, преимущественно на основании местных же обычаев» [26, с. 30–32, 35–36].

³ В литературе на русском языке утвердилось написание имени «Сигизмунд», тогда как в документах оно писалось «Жикгимонт».

Киевские <...> и тежъ о мыта новые, где здавѣна не бывали, а ново уставленые; – и били намъ чоломъ, абыхъмо имъ тые новины отъложили. <...> А о мыта новые такъ уставляемъ: где бы здавѣна не бывали за предковъ нашихъ <...> тутъ и теперъ не потребъ воеводамъ нашимъ мытъ новыхъ уставляти, нижъсли старые звычѣные мыта мають браны быти по давѣному» [29, с. 190]. Подобные положения имеются и в других областных привилегиях [4, с. 125–126, 135; 26, с. 157].

Особо стоит обратить внимание на грамоту Казимира второй половины XV в. о взимании мыта в имениях волыньских князей, панов, бояр и земян. В ней запрещено взимать мыта, установленные после Витовта. За нарушение предусматривалась санкция: «... а хто маеть по новыхъ мытехъ <...> мыто брати, в тыхъ имѣня пооднимаемъ», – которую впоследствии увидим в Первом Литовском Статуте за аналогичное нарушение. Кроме того, в документе подробно перечислены пункты, в которых можно взимать определенное мыто и его размер (что соответствовало обычаю – «нижсли бы есте тутъ мыто брали, гдѣ было здавна»), а также те пункты, где это запрещалось делать [1, с. 8–9].

М. В. Довнар-Запольский отмечал, что порядок взимания и размер мыта на каждой таможене устанавливался местным обычаем, зависящим от различных условий и выработанным в течение столетий [8, с. 400, 531]. Но тексты уставных грамот не содержат сведений о том, какие мыта взимались и как это осуществлялось. Определенная информация об этом имеется в других источниках. К ним, например, относится перечень мытных сборов на торговом пути из Торуня во Владимир [23, с. 20–22, 369; 27, с. 312–313], датированный 1349 или 1386 гг., и, конечно же, ревизии замков. В частности, в ревизии государственных замков ВКЛ 1552 г. содержится информация о размерах обвестки¹, померного, мыта с каравана, соляного, рыбного и других видов мыта в каждом из них. Если в Черкассах торговцы, не имевшие безмытных листов², платили обвестку в размере 3 гроша от копы, то в соседнем Каневе – 2 гроша. Во Владимире десятая часть от деревянного, мостового, подорожного, померного, мясного и соляного мыта шла в пользу местного владыки. В Виннице по 2 гроша от копы платили старосте. Здесь

---

¹ Обвстка, или обвстка – налог, взывавшийся на таможене, главное назначение которого состояло в извещении о прибытии товаров.

² Безмытные листы, освобождавшие от уплаты мыта, давались великим князем, как правило, отдельным лицам за определенные заслуги или общинам для их поддержки после каких-нибудь катаклизмов или событий, существенно влиявших на материальное положение населения. Например, 22 октября 1551 г. Жигимонт II Август освободил оршанских мещан на десять лет от уплаты мыта по всему Великому княжеству Литовскому ввиду значительного их обнищания от обеспечения подводами часто проезжающих через Оршу послов и неурожаев в предыдущие годы [18, с. 167].

также взимали мыто господарское: *«Отъ камня воску по 4 гроши, отъ вола по 3 гроши, отъ кожи всякое по грошу польскому»*. Особенно разнообразными мыта были в районе Мозырского замка. Для взимания померного использовалась «мера мозырская великая», якобы равнявшаяся 1,5 солянкам (т. е. приблизительно 120–150 л) [3, с. 589, 595, 604, 617–619; 23, с. 78–84]. Ценную информацию о размерах мытных сборов и порядке их взыскания содержит письмо бывшего берестейского мытника Даныка Есковича к новому мытнику Михелю Езофовичу от 18 ноября 1526 г. [23, с. 51–52].

Л. Ю. Жеребцова обращала внимание, что в основу таможенных сборов была положена идея оплаты услуг, предоставляемых государством, местными общинами или частными лицами [12, с. 196].

Следует отметить, что на практике указанный выше обычай, подтверждавшийся великокняжескими листами, повсеместно нарушался. Это видим и в привилее Александра от 1 марта 1503 г. владыке, боярам и всем мещанам смоленским на права и вольности их. Он являлся ответом на челобитную смолян и подтверждал *«вечно и непорушно на веки веком»* более ранний привилей Казимира. В нем, в частности, говорилось, что рядничие Миколая Радивиловича, который *«от его милости Смолнескъ держаль»*, брали «взвестку» с гостей и купцов из Мстиславля, Кричева и других городов *«чего ж перед тым не бывало»*. Следует отметить, что в Смоленской уставной грамоте сказано, что, согласно древнему обычаю, обвестку платили только иностранцы – москвичи и тверичи, а с купцов соседних городов ее не взимали. Со своей стороны, жители соседних городов не брали обвестку со смолян. Когда в Смоленске начали нарушать устоявшийся обычай, последовали ответные меры по отношению к его жителям. Узнав об этом, господарь отменил новые мыта, оставив все по-прежнему [8, с. 374–376; 28, с. 272–275].

Нарушались и положения великокняжеских актов. Так, в 1492 г. Александр снова подтвердил право виленских купцов не платить внутренние мыта, дарованное им привилеем Жигимонта Кейстутовича 22 сентября 1432 г. и подтвержденное Казимиром в 1440 г. По мнению В. И. Пичеты, причиной тому был запрет землевладельцев виленским купцам на проезд через их владения без уплаты мыта [19, с. 59–60].

В конце концов, названные действия были запрещены в первом в Центрально-Восточной Европе кодексе. Статья 21 разд. I Статута 1529 г. устанавливала санкцию в виде конфискации поместья за нарушение запрета *«новых мыт вымышляти ани вставляти ни на дорогах, ани на местех, ани на мостех, и на греблех, и на водах, ани на торгах в имениях своих, кром которые были з стародавна вставлене»* и на которые имелись соответствующие великокняжеские листы [20, с. 39]. Как уже отмечалось, подобная

санкция была предусмотрена еще в листе Казимира второй половины XV в., адресованная волынским урядникам. Но теперь ее применение распространялось на территорию всего государства.

Стоит обратить внимание на утверждение Д. П. Ващука о влиянии Киевского 1507 г. и Волынского 1501 г. земских привилеев на формирование Первого Литовского статута, в частности статьи о запрете новых мыт [6, с. 89, 97–98].

М. В. Довнар-Запольский отмечал, что установление частных мыт было запрещено еще в период формирования ВКЛ, а с ликвидацией удельной системы великокняжеское право на установление мыт было распространено на всю территорию государства, что нашло отражение в вышеуказанной статье Статута 1529 г. Таким образом, право на установление мыт принадлежало исключительно верховной власти и мотивировалось определенной потребностью [8, с. 402–403].

Но и возможность потерять собственные имения не останавливала попыток незаконного взимания в них мыта со стороны князей, панов и шляхты. 15 июня 1545 г. был составлен вырок правительственных ревизоров по жалобе луцких и владимирских мещан о нарушении их привилеев. В процессе рассмотрения последние показали, что, вопреки судовому листу Казимира и дозволенному листу¹ Александра, многие шляхтичи Луцкого и Владимирского поветов незаконно взимали мыто на территории собственных земельных владений. Ревизоры установили: *«Всѣхъ мыхъ мѣсть, где мыто берутъ, пятьдесят и семь, окромъ гдрьскихъ и иншихъ мытъ головнейшихъ»* [15, с. 101–102, 163; 23, с. 67]. (Однако из контекста непонятно, во всех ли пятидесяти семи местах мыта брались незаконно). Князья, паны и земляне ответили, что взимают мыта по разрешению и привилеям предыдущих господарей и нынешнего, но предоставить документы ревизорам отказались. Практически одновременно (ревизия Кременецкого замка от 21 июля 1545 г.) была рассмотрена жалоба местных мещан о незаконном взимании мыта на ярмарках и торгах в частных местечках Кременецкого и Луцкого поветов [7, с. 76; 8, с. 515–516; 23, с. 64–71].

Д. П. Ващук обратил внимание на то, что Статут 1529 г., подтвердив запрет устанавливать или выдумывать новое мыто, не имел никаких положений относительно возможного освобождения от уплаты мыта. «Очевид-

---

¹ Листы были достаточно распространенным видом документов, различавшихся между собой как по происхождению, так и по содержанию. Они могли иметь как публично-правовой, так и индивидуально-правовой характер. Н. П. Ковальский выделил по содержанию семь разновидностей листов, а также особую разновидность – «лист продажный» [13, с. 15–17]. Дозволенные листы исходили от правителя. Довольно часто ими господарь отдавал в аренду мытные сборы определенным лицам [23, с. 30, 35–36, 41–42, 45–46].

но, – сделал он заключение, – решение по этому поводу принималось в рабочем порядке соответственно условиям, связанным... с взиманием налогов и отбыванием повинностей» [5, с. 418].

С 40-х гг. XVI в. шляхта ВКЛ начала борьбу за «поправку статута» в своих интересах [16; 17, с. 216], в том числе за предоставление таможенных льгот [10, 319–325; 11, с. 215–223]. Это было обусловлено тем, что Конституция Короны 1496 г. закрепила право польской шляхты экспортировать без уплаты мыта продукцию собственного производства. После неоднократных обращений господарь в 1559 г. разрешил «княжатам, панятам и всей шляхте» вывозить, не уплачивая мыта, лесные товары собственного производства и из собственных имений, а также выращенное, а не приобретенное, зерно и скот. Обязательным условием была присяга пана или его слуги на первой коморе (таможне) о том, что товар изготовлен или выращен в собственном хозяйстве. Вскоре во Втором Литовском Статуте 1566 г. появилась новая статья об освобождении шляхты от уплаты мыта при осуществлении экспорта зерна и лесных товаров собственного производства. О происхождении вывозимых товаров на главных коморах должны были принести присягу их собственники или посланные ими заслуживающие доверия слуги. Следовало только уплатить мыто от подвод, которыми перевозили зерно на продажу, на мостах «старожитных», согласно древнему обычаю [21, с. 63–64]. На коморах была введена сложная процедура расследования того, действительно ли товар принадлежал шляхтичу [8, с. 526]. Одним из самых существенных дополнений Второго Литовского Статута, по сравнению с Первым, Н. Н. Яковенко назвала освобождение шляхты от уплаты мыта, имевшее важное значение для дальнейшей иммунизации шляхетских имений [24, с. 51].

Также во Втором Статуте имеется ст. 25 разд. I о запрещении введения новых мыт, аналогичная по содержанию со ст. 21 разд. I Статута 1529 г. Однако в ней закреплены и новые положения. Лица, взимавшие мыто, согласно великокняжеским листам, обязывались за свой счет ремонтировать мосты, плотины, гати, рвы. Если из-за плохого состояния указанных объектов проезжающий терпел убытки, то пан, взимавший мыто, должен был их возместить и прибавить, что требовал потерпевший. Это же относилось к старостам, державцам и лицам, собиравшим мыто в пользу Великого князя, если они не ремонтировали дороги. Также запрещалось урядникам и лицам, собиравшим мыто по дорогам, местечкам и селам великокняжеским господарским, княжеским, панским и землянским взимать не установленное мыто [21, с. 62–63].

Более подробно таможенные отношения были урегулированы Статутом 1588 г. В его первом разделе имеются две статьи, посвященные взиманию мыта. Статья 29 содержит то же положение, что и ст. 25 Второго Ли-

товского Статута. Кроме того, нарушители запрета об установлении нового мыта должны были наказываться штрафом в 20 коп грошей и обязывались с излишком возместить причиненные убытки.

Статья 30 разд. I Третьего Литовского Статута восходит к ст. 26 разд. I Второго Статута, но имеет и определенные отличия. Она освобождала шляхтичей от уплаты мыта и мостового, если они перевозили зерно или другие товары (не только лесные), выращенные или изготовленные в собственном хозяйстве. Если же они были куплены, то мыто взималось. Собственник товара или его доверенное лицо должны были принести присягу перед должностными лицами о его происхождении. Следующие на пути продвижения таможи должны были пропускать товар по квитанции, выданной первой таможей. Не следовало взимать мыто с шляхтичей и при перевозке товаров для собственного потребления. Также в этой статье был зафиксирован и текст присяги [22, с. 30–31].

Собственник, поручая слуге продать свой товар, давал ему аттестацию для предъявления на цельных (пограничных) и мытных коморах и прикоморках [23, с. 294]. Текст присяги был аналогичен тексту аттестации и подтверждал происхождение товара [23, с. 305, 313–314, 318–322, 328, 334–337]. Названные документы вписывались в гродские книги. Следует отметить, что в последующие годы шляхтичи нередко ввозили соль, мед, хлеб, рыбу для продажи, заявляя их как товары для собственного потребления, нанося таким образом урон скарбу. После жалоб таможенных чиновников, Жигимонт III издал 17 апреля 1632 г. универсал, которым обязывал всех ввозящих товары для продажи платить мыто, а вывозящих не собственное, купленное зерно платить цло (мыто, взимавшееся на границе). О цели ввоза товара в первом случае и его происхождении во втором собственник должен был принести присягу («*iurament wprzód uczynił*») [2, с. 330].

Еще две статьи, регулировавшие таможенные отношения, содержатся в разделе III Статута 1588 г. Статья 48 запрещала вывозить из ВКЛ как в военное, так и в мирное время, оружие, железо, ружья, косы, ножи, стрелы и другие предметы военного назначения. Нарушителя этого запрета предписывалось казнить, а его товары конфисковать в великокняжескую казну. Статья 51 запрещала передачу одному лицу в аренду доходов, в частности и мытных сборов, принадлежавшей всей Речи Посполитой. Нарушитель должен был уплатить штраф в размере ста коп грошей. Великокняжеские листы, полученные с канцелярии вопреки этому запрету, должны были признаваться недействительными [22, с. 58].

Довольно рано Великому князю в уставных земских грамотах начали предоставлять общине того или другого города право безмытной торговли на территории всего государства. Жителям Полоцка и Витебска, по мнению И. В. Якубовского, такое право было даровано еще Витовтом в 1392–

1399 г., а потом подтверждено следующими князьями [25, с. 266–267, 297–299; 26, с. 152]. Вместе с тем Смоленской уставной земской грамотой 1505 г. смолянам разрешалось взимать с приезжих купцов мыто с меда, соли, коромысел и других товаров. Но это не в полной мере распространялось на купцов из Полоцка: «... естли бы Полочане брали на Смолянѣхъ мыто отъ соли и отъ воску, и его милость такожь Смоляномъ вельѣь брати на Полочанѣхъ мыто отъ соли и отъ воску; а естли бы Полочане на Смолянѣхъ не брали, ино и Смоляномъ на Полочанѣхъ не брати» [26, с. 156].

Как уже отмечалось, размеры различного вида мыт в той или иной местности длительное время определялись устоявшимся обычаем. Но уже в первой половине XVI в. имели место существенные изменения. Как отмечал, М. В. Довнар-Запольский, происходило это «не путём ломки старого обычая, но посредством новых наслоений на старом тарифе и обложения новых предметов потребления, ранее не подлежавших сбору пошлин». При Александре были введены особые мыта на воск и соль. Жигимонт I наряду со «старым звыклым» мытом вводит «новое», или «новоподвышеное», первое упоминание о котором встречается на Подляшье и Волини в 1523 г. Новое мыто вводилось и на вывозимые, и на ввозимые товары. К началу Ливонской войны различия между старым и новым мытом во многом стерлись, и они практически слились в одно. Однако таможенная ставка снова была увеличена постановлением Господаря и панов-рады от 7 декабря 1561 г. Новый тариф вводился временно. Но поскольку война затянулась, 27 августа 1566 г. на Берестейском сейме он был не только продлен до 1568 г., но и увеличен. На основании господарских декретов тариф 1566 г. действовал до смерти Жигимонта Августа в 1572 г. [8, с. 495–499, 502–504; 9, с. 669–673, 676–681].

В это же время были изданы первые «таксы» (тарифы) старого мыта для различных мытных округов ВКЛ. М. В. Довнар-Запольский считал, что такса для подляшских комор, выданная сразу же после Люблинской унии 1569 г., вероятно, распространялась на территорию всего княжества [8, с. 507, прим. 1, с. XLIV–XLVII]. После создания Речи Посполитой в Литве, как и в Польше, мыта и различные сборы назначались только на вальных сеймах [14, с. 303–304]. Например, таким образом в 1605 г. на «зъездъ вси станы панове рада..., яко и послы съ каждого повѣту» приняли решение о введении на один год «новоподвышеного» мыта, водного сплава и чопового «на оборону земли Ифляндской», оформленное универсалом Жигимонта III [2, с. 323–324].

Из вышесказанного вытекает, что в XVI в. нормативно-правовое регулирование таможенных отношений в ВКЛ нашло отражение во всех трех Статутах. При этом каждый следующий Статут регулировал более широкий круг указанных отношений. Также в этот период верховная власть на-

чинает издавать тарифы, согласно которым взималось мыто с экспортируемых и импортируемых товаров, тогда как ранее это осуществлялось на основе сложившихся в разных местностях обычаев.

Литература

1. Акты Литовской метрики. – Варшава, 1896. – Т. 1. – Вып. 1. 1413–1498 / Собраны Ф. И. Леонтовичем. – № 13. – 86 с.
2. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. – Вильна, 1870. – Т. 3: Акты Брестского градского суда. – XX+416 с.
3. Архив Юго-Западной России. – Киев, 1886. – Ч. 7. – Т. 1: Акты о заселении Юго-Западной России. – № LXXXII–LXXXV. – С. 589, 595, 604, 617–619.
4. Ващук, Д. «АБЫХМО ДЕРЪЖАЛИ ИХЪ ПСОДЛЪ ПРАВА ИХЪ ЗЕМЪЛИ» (Населения Київщини та Волині і великокнязівська Влада в XV–XVI ст.) / Д. Ващук. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. – 320 с.
5. Ващук, Д. «Старина» як інститут регулювання екоіомічних відносин у Великому князівстві Литовському (кінець XV – перша третина XVI ст.) / Д. Ващук // Terra cossacorum: студії з давньої і нової історії України: наук. зб. на пошану доктора історичних наук, професора Валерія Степанкова. – Київ, 2007. – С. 415–433.
6. Ващук, Д. Вплив обласних привілеїв Київщини та Волині на формування Першого Литовського Статуту / Д. Ващук // Pirmasis Lietuvos Statutas: straipsnių rinkinys / Sudarė Irena Valikonytė ir Lirija Steponavičienė. – Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2005. – P. 84–98.
7. Грушевський, М. С. Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. / редкол. П. С. Сохань (голова) [та ін.]. – Київ: Наук. думка, 1995. – Т. VI. – 680 с.
8. Довнар-Запольский, М. Государственное хозяйство Великого Княжества Литовского при Ягеллонах / М. Довнар-Запольский. – Киев, 1901. – Т. I. – 807 с.
9. Доўнар-Запольскі, М. В. Дзяржаўная гаспадарка Велікага княства Літоўскага пры Ягелонах / М. В. Доўнар-Запольскі; падрыхт. да друку: А. І. Груша, Р. А. Аляхновіч; увод. арт.: Д. У. Караў, А. У. Унучак, А. І. Груша; камент. А. І. Груша, Ш. І. Бекцінеў, Л. Каралюс. – Мінск: Беларус. навука, 2009. – 759 с.
10. Дячок, О. Правове регулювання митних відносин в добу кн. Василя-Костянтина Острозького / О. Дячок // Наукові записки. Історичні науки: матеріали міжнародної конференції «Князь Василь-Костянтин Острозький в історії України та Європи» 15–17 жовтня 2008 р. – Острог: Вид-во Національного університету «Острозька академія», 2008. – Вып. 13. – С. 316–328.
11. Дячок, О. Регулювання митних відносин в Першому Литовському Статуті та боротьба шляхти за митні нілги / О. Дячок // Pirmasis Lietuvos Statutas: straipsnių rinkinys / Sudarė Irena Valikonytė ir Lirija Steponavičienė. – Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2005. – P. 208–225.
12. Жеребцова, Л. Роль Первого Литовского Статута в истории институционализации таможенной организации на украинских землях Великого княжества Литовского / Л. Жеребцова // Pirmasis Lietuvos Statutas: straipsnių rinkinys / Sudarė Irena Valikonytė ir Lirija Steponavičienė. – Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2005. – P. 195–207.

13. *Ковальский, Н. П.* Источники по истории Украины XVI – первой половины XVII в. в Литовской метрике и фондах приказов ЦГАДА. – Днепропетровск: ДГУ, 1979. – 74 с.

14. *Леонтович, Ф. И.* Рада великих князей литовских / Ф. И. Леонтович // Журнал Министерства народного просвещения. – Спб., 1907. – Новая серия. – Ч. XI, октябрь. – С. 273–331.

15. Литовська Метрика. Книга 561: Ревізії українських замків 1545 року / підготував Володимир Кравченко. – Київ, 2005. – 600 с.

16. *Любавский, М.* Литовско-Русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства / М. Любавский. – М., 1900. – С. 517–520.

17. *Любавский, М.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М. Любавский. – М., 1910. – 376+IV с.

18. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 28 (1522–1552): Кніга запісаў 28 / Падрыхтовка тэкстав да друку і навук. апарат В. Мянжынскі, У. Свяжынскі. – Менск: АТНЕН.ЇЇМ, 2000. – 312 с.

19. *Пичета, В. И.* Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве / В. И. Пичета. – М., 1958. – С. 59, 60.

20. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / под ред. академика АН Литовской ССР К. И. Яблонского. – Минск: Изд-во АН БССР, 1960. – 254 с.

21. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо. – Мінск: Тэсей, 2003. – 352 с.

22. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / пер. на бел. мову А. С. Шагун. – Мінск: Беларусь, 2002. – 207 с.

23. Торгівля на Україні, XIV – середина XVII століття: Волинь і Надніпрянщина / упор. В. М. Кравченко, Н. М. Яковенко; редкол.: М. Ф. Котляр (відп. ред.) [та ін.]. – Київ: Наук. думка, 1990. – 408 с.

24. *Яковенко, Н.* Українська шляхта з кінця XIV – до середини XVII ст. Волинь і Центральна Україна / Н. Яковенко. – Вид. 2-е, перегл. і виправл. – Київ: Критика, 2008. – 472 с.

25. *Якубовский, И. В.* Земские привилегии Великого княжества Литовского / И. В. Якубовский // Журнал Министерства народного просвещения. – Спб., 1903, июнь. – Ч. ССХХХХVII. – С. 245–303.

26. *Ясинский, М.* Уставные земские грамоты Литовско-русского государства / М. Ясинский. – Киев, 1889. – 207 с.

27. *Hansisches Urkundenbuch / Bearbeitet von Konstantin Höhlbaum.* – Halle, 1882. – Bd. III. – № 559. – 586 с.

28. *Lietuvos Metrika.* – Vilnius, 1993. – Кн. 5: (1427–1506): Užrašymų kn. 5. – 402 p.

29. *Lietuvos Metrika.* – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1998. – Knyga 25 (1387–1546). Užrašymų knyga 25. – 460 p.